

К вопросу о дискурсивных функциях причастных конструкций в русской летописи

On the discourse-function issue of the participle constructions in the Russian chronicles

Anna Sakharova (Анна Вячеславовна Сахарова)

Published online: 5 January 2010
© Springer Science+Business Media B.V. 2009

Аннотация Статья излагает результаты исследования, посвященного параметрам выбора между финитными формами глагола и краткими причастиями в Новгородской первой летописи младшего извода. В статье сформулирован круг основных функций конструкции с кратким причастием каждого типа (настоящего и прошедшего времени в именительном и дательном падежах). Демонстрируется, что использование в летописи конструкций с причастиями во многих случаях обусловлено дискурсивными критериями второстепенности предикативной единицы (ее аспектуальной фоновостью, pragmaticкой презумптивностью, стереотипностью сочетания ситуаций). Но о полном соответствии критерииев выбора причастного способа оформления и критериев второстепенности предикатии говорить нельзя. Для определенных глаголов причастные конструкции могли иметь особенные функции, однако появление некоторого количества причастных конструкций оказывается не мотивированным никакими pragmaticическими и вообще содержательными факторами.

Abstract The article expounds the results of an investigation dedicated to the parameters of the choice between finite verb forms and short participles in the Novgorod I chronicle (the younger recension). The article formulates a list of main functions of every type of short participle constructions (present and past tense participles in nominative and dative case constructions). The use of short participles in the chronicle is shown to be conditioned in most cases by discourse features typical of backgrounded predicative units (aspectual backgroundedness, pragmatic presupposition, stereotypical combination of situations). But there is no full correspondence between the criteria for choosing a participle construction and the criteria for the backgroundedness of the predicative unit. For some verbs participle constructions could have special functions, but the appearance of some participle constructions is found to be not motivated by any pragmatic and substantial factors at all.

A. Sakharova (✉)
Moscow, Russia
e-mail: nenen@mail.ru

1 Введение

Восточнославянские краткие причастия в ранний период истории русского языка пошли по пути (в старославянском языке только намеченному) изменения своих синтаксических функций от подчиненности имени к подчиненности финитному глаголу; при этом они теряли склонение, а позднее и согласование по роду. Поэтому данные формы терминологически некорректно называть причастиями: они уже в раннедревнерусский период почти не употреблялись в качестве атрибутов (Зализняк 2004, 134, 184–185). В оригинальных древнерусских книжных текстах краткое причастие использовалось в основном в обстоятельственных оборотах: в обороте, оформленном именительным падежом, и в дательном самостоятельном (Борковский и Кузнецов 1965, 350 и сл., 445 и сл.); также презентное причастие (*щ*-причастие) употреблялось в составе редкой и специфически книжной аналитической конструкции с глаголом-связкой (Борковский и Кузнецов 1965, 344 и сл.). Корректнее было бы говорить о согласуемых деепричастиях и деепричастных оборотах, но в русистике сложилась традиция применять термины ‘краткое причастие’ и ‘причастный оборот’ именно потому, что данные формы некоторое время еще сохраняли согласование (Борковский и Кузнецов 1965, 355; Лопатина 1978, 117 и др.).

Причастные и финитные конструкции могли употребляться в одинаковых по формально-сintаксическим параметрам контекстах. В этой связи встает задача определить, что обуславливало выбор между причастием и личным глаголом. Этот выбор представляет собой один из элементов нарративной стратегии древнерусского книжника. Обычно самым общим образом оказывается, что нефинитные глагольные формы употребляются для оформления предикаций заднего плана или обозначения ‘сопроводительного действия’ (ср. такую трактовку старославянских причастных оборотов в Večerka 1961, 118). Поэтому они могли именоваться «второстепенными сказуемыми».¹ Смысль этого наименования состоит в том, что предикации подобного рода, хотя и похожи на глагол (сказуемые), но имеют меньшую важность с точки зрения организации дискурса (второстепенны), см. Истрина (1923–1926), Борковский (1949), Борковский и Кузнецов (1965), Георгиева (1968), Стеценко (1972), Лопатина (1978), Кузьмина и Немченко (1982).

Устанавливая, чем же функции причастных конструкций отличаются от функций личных глаголов, нельзя ограничиваться отдельными примерами—необходим сплошной анализ конкретного текста, при котором сопоставлялись бы финитные и причастные конструкции. В настоящей работе рассмотрено, как выбор между финитной и причастной конструкциями осуществляется в Новгородской первой летописи по Коммиссионному списку. Выясняется, как в контекстах переднего и заднего плана употребляются предикативные единицы (личные формы, обороты с *щ*- и *щ*-причастиями, оформленные именительным и дательным падежами). В результате можно получить набор дискурсивных контекстов, типичных для каждой из анализируемых конструкций.

Контексты, в которых употребляются предикативные единицы, могут характеризоваться различными значениями дискурсивных параметров, связываемых с их феноменностью, второстепенностью.² В дискурсе одна информация в большей степени

¹ Первым здесь был А. А. Потебня (1958).

² Синтаксические ограничения на употребление кратких причастий, как известно, в летописном языке оказались размытыми. Стали возможны такие употребления кратких причастий именительного

соответствует глобальной риторической цели говорящего/пишущего, а другая— в меньшей, а для выражения этой менее важной информации и служат подчиненные предикативные единицы (Lakoff 1984; Reinhart 1984; Tomlin 1985, 1986; Matthiesen and Thompson 1988; Tomlin et al. 1997). Цель нарратива—рассказать об определенных изменениях в описываемой действительности, причем в той последовательности, в которой они происходили. Поэтому передний план в нарративе определяется как цепочка предикаций, описывающих происходившие одно за другим события; в этой цепочке характер следующего события в той или иной степени обусловлен обстоятельствами предыдущего (Hoppe 1979; Dry 1981, 1983; Fleischman 1985). В таком случае простейший критерий деления предикаций нарратива на переднеплановые и фоновые—аспектуальный: предикации, обозначающие ситуации, одновременные событиям основной цепочки (или иным образом хронологически на них накладывающиеся) и вообще обозначающие незавершенные ситуации, относятся к фону повествования. К нарративной последовательности не принято также относить предикации, представляющие собой прагматические презумпции, см. Падучева (2001, 57–60; 1996, 235), которые привязывают новую информацию к тому, о чем уже говорилось (Longacre 1983, 13–15; Givón 1984, 251). Все те предикации, которые не удовлетворяют сформулированным выше условиям второстепенности, относятся к нарративной цепочке, даже в том случае, если они являются синтаксически подчиненными (Dry 1981, 1983).³

Существует и иной дополнительный критерий того, какую информацию считать менее соответствующей риторической цели: переднепланость может пониматься как неожиданность, нестереотипность ситуации и становиться, таким образом, прагматической характеристикой предикативной единицы, обозначающей эту ситуацию (Polanyi and Hoppe 1981; см. также Fleischman 1985). Информация, необходимая для понимания текста, извлекается слушающим/читающим из его знаний о намерениях и действиях людей и о связях между явлениями окружающего мира. Ожидаемой и, следовательно, менее выделенной прагматически, оказывается информация о стереотипных последовательностях ситуаций.

Классифицируя по этим критериям второстепенности предикативные единицы исследуемого текста, мы сталкиваемся с определенными трудностями в обобщении результатов. Для некоторых предикаций не ясно, принадлежат или не принадлежат они нарративной последовательности; так, некоторые глаголы (прежде всего— обозначающие нефизические действия: *видѣти, хотѣти, речи*) могут описывать ситуации одновременные другим, но при этом входящие в причинно-следственные цепочки. Критерий прагматической невыделенности (стереотипного сочетания ситуа-

падежа, для которых не обнаруживалось никакого вершинного финитного глагола с тем же подлежащим. Обороты таких типов и получили название именительных самостоятельных (Борковский и Кузнецов 1965). Подлежащее же конструкции в дательном падеже могло быть как совпадающим, так и не совпадающим с подлежащим главной предикации (Белоруссов 1899; Сабенина 1978; Борковский и Кузнецов 1965; Worth 1994; Corin 1995). Фактически вместо четких синтаксических ограничений в летописном языке существовали скорее факторы синтаксического плана, способствующие тому, чтобы предикация была оформлена финитно. Поэтому контексты, в которых употребляются предикации, также характеризуются различными значениями синтаксических параметров, которые в том случае, если предикация окажется причастной, определяют, будет ли этот причастный оборот самостоятельным или нет.

³ Иногда считают, что у предикации нарративной последовательности должна быть еще одна характеристика: события должны быть отражены иконически, без инверсий. Однако инверсия, нарушение порядка повествования, сама есть средство выражения, а не содержательная характеристика контекста.

ций) действует по-разному в отношении разных глаголов. Можно сказать, что выбор способа оформления предикации зависит и от чисто лексического контекста. Поэтому лучшим способом организации исследования представляется полексемный, когда для каждого из анализируемых глаголов по очереди рассматриваются все контексты и подсчитывается, сколько раз в данном контексте употреблена каждая из конструкций. Для некоторых глаголов выявляются определенные закономерности выбора между причастной и финитной конструкциями, не связанные с дискурсивной второстепенностью; они также фиксируются.

Всего анализируется употребление 50 глагольных лексем. Это наиболее частые в Комиссионном списке Новгородской первой летописи (НПЛ) глаголы, для которых статистические данные оказываются достаточно показательными. Сюда входят глаголы, могущие обозначать положение в пространстве (*быти, съѣдѣти, стояти*), глаголы, обозначающие переход в эти положения (*сѣсти, стати, въсѣсти, вѣстати*), каузативы от этих глаголов (*оставити, посадити*), глаголы движения (*ити, ъхати*), глаголы, обозначающие начало движения (*поити, поѣхати*) и достижение цели движения (*прити, приѣхати*), каузативы глаголов движения (*посѣлати, присѣлати*), глаголы восприятия (*видѣти, слышати, увѣдѣти*), вербальные глаголы (*речи, глаголати, просити*), глаголы, обозначающие начало обладания (*яти, изимати, възяти, пояти, прияти*) и некоторые другие. Описан также ряд редко употребляемых глаголов, демонстрирующих явную привязку к той или иной причастной конструкции.

Само исследование, таким образом, состояло из перечисления всех возможных для рассматриваемого глагола контекстов, характеризуемых разными значениями дискурсивных и синтаксических параметров, и соответствующих подсчетов соотношения употребляемых конструкций (финитная форма, оборот с *иц-* или *иши-*-причастием в именительном либо в дательном падежах; для краткости в тех случаях, когда используется оборот с *иц-* или *иши-*-причастием в именительном падеже, будем просто говорить, что используется *иц-* или *иши-*-причастие). Примеры таких перечислений для отдельных глаголов встречаются в статьях Сахаровой (2005, 2007a, 2007b). Данная работа представляет те результаты этого исследования, которые касаются круга функций вышеперечисленных причастных конструкций: для исследованных глагольных лексем перечисляются те контексты, в которых каждая конструкция употребляется (обязательно или хотя бы варьируясь с другими средствами).⁴

Как уже говорилось, материалом настоящего исследования послужил Комиссионный список НПЛ младшего извода (по изданию Насонова 1950). Мы отдали предпочтение этому памятнику перед более древней НПЛ старшего извода, поскольку он больше по объему и тем самым лучше приспособлен для статистического анализа.⁵

⁴ Отдельные специфические употребления причастий, которые вообще не встречаются ни в нарративе, ни в прямой речи рассматривать не будем.

⁵ Текстологическая неоднородность памятника в данном исследовании нас интересовать не будет. Не исследуются также расхождения в употреблении причастных форм между Комиссионным и другими списками НПЛ (и вообще другими редакциями вошедших в состав НПЛ текстов). Анализ этих расхождений мог бы дать интересный дополнительный материал, но эту задачу целесообразно ставить после того, как установлены основные закономерности употребления причастий в отдельно взятом тексте. Расхождения указывались лишь в тех редких случаях, где они затрагивают не просто синтаксическое оформление, но и смысл рассматриваемых примеров.

2 Оборот, оформленный именительным падежом

(A) Конструкция с *иц*-причастием

В нарративе *иц*-причастия не очень часты, что закономерно, так как они не обозначают законченных событий; для некоторых глаголов примеров в исследованном тексте оказалось совсем мало, но все же общего количества этих конструкций достаточно для того, чтобы делать выводы о типичных для них дискурсивных функциях.

Наиболее характерным для *иц*-причастий является такой контекст, где ими оформляется фоновая по аспектуальному критерию предикация, а глагол-вершина главного предложения принадлежит нарративной последовательности; для данного контекста существенно, что обозначаемая причастной предикацией ситуация не связана ожидаемым образом с другими ситуациями и не находится с ними в причинно-следственных отношениях. Употребление *иц*-причастия в таких случаях обязательно (примеров с финитным глаголом нет). В рассматриваемом контексте употребляются глаголы разных семантических групп: *быти* в значении, переходном между ‘находитьсь’ и ‘являться’, *ѣдѣти* ‘пребывать в сидячей позе’, *стояти* ‘пребывать в стоячей позе’, *ити* (в том числе и в значении ‘собираться идти’), *ѣхати* (в том числе и в значении ‘собираться ехать’), *копити*, *видѣти*, *глаголати*, как, например, в (1)–(3):

- (1) И заутра Олга, *сѣдящи в теремѣ*, посла по гости. И прииодаша к нимъ, глаголюще: «зоветь вы Олга [...].» (6453, 111)⁶
- (2) Тои осени выиха из Новагорода князь Василий Юрьевичъ и много пограби, *ѣдущи по Мѣстѣ и по Бѣжичкому верху и по Заволочью*, и много зла бысть от него. (6942, 417)
- (3) Тогда Михаиль снемъ коць свои, верже къ нимъ, *глаголя имъ*: «приимете славу свѣта сего, аще ся вам его хощеть». (6753, 302)

Оборот с *иц*-причастием употребляется и при личных глаголах-вершинах, не принадлежащих нарративной последовательности, а обозначающих дляящуюся ситуацию, параллельную ситуации, описываемой причастием. Такие сочетания нужны для развернутого описания фона, поэтому в летописном нарративе они редки; отметим также, что в таком контексте встречаются лишь *иц*-причастия от некоторых глаголов. Всегда, без вариативности, причастно оформленными оказываются глаголы *стояти*, *просити*, *речи*, *глаголати*, *горѣти*, *копити*, *съсылатися*, как, например, в (4)–(6):

- (4) [...] и стояху инъ до шии, друзии же до персии, младыя же от брега, друзии же младенци держаще, свершении же бродяху; попове же *стояще*, молитвы творяху. (6496, 156–157)
- (5) Тако бяше великъ и лют пожаръ, с бурею и с вихромъ, яко мнѣти уже концина, по водѣ огнь *горя* хожаше и много людии истопи на Волховѣ. (6848, 351)
- (6) Тои же веснѣ єздыши новгородци с посадникомъ Федоромъ в Неву, и стояша под Орѣховымъ, *съсылающеся послы с воеводою нѣмечкымъ съ Сѣнемъ*, и не бысть миру [...]. (6846, 348)

⁶Цифры перед запятой указывают на год, цифры после запятой дают ссылку на страницу в НПЛ.

Другим глаголам в таком контексте причастное оформление, наоборот, оказывается несвойственно. Так, для глаголов *хотѣти* и *видѣти* причастное оформление является знаком прагматической невыделенности предикации (см. ниже), и поэтому в рассматриваемом контексте они оформляются финитно. Всегда бывают финитными и глаголы *ити*, *сѣдѣти* и *стояти* в локативном значении, хотя не ясно, действием какого фактора это объясняется.⁷

Вероятно, для *иц*-причастий всех глаголов возможно употребление в таком контексте (впрочем, весьма редком), где обозначаемая причастной формой ситуация, не выходя за хронологические рамки ситуации, обозначенной личным глаголом, только поясняет способ ее осуществления. Такого рода предикации тоже можно считать фоновыми по аспектуальному критерию, как в (7) и (8):

- (7) А Олга же поимши мало дружины и *легко идущи*, прииде къ гробу его, и пла-
кася по мужи своем плачерь велиимъ зѣло. (6453, 112)
- (8) [...] идоша в Торъжокъ новгородци блюсти Торжку, и совокупиша всю
землю противу, *съсылающиця послы*, и розъѣхашася разно, доконцавше миръ
|| до приизда князеи. (6812, 332)

Перейдем теперь к некоторым лексически ограниченным дискурсивным употреблениям *иц*-причастия. *Щ*-причастия от глаголов, не обозначающих физических действий или состояний, могут описывать ситуации, одновременные с другими и при этом находящиеся с ними в причинно-следственных связях. Предикации с такими причастиями могут трактоваться и как фоновые, и как принадлежащие нарративной последовательности.

Так может обстоять дело для *иц*-причастий вербальных глаголов *глаголати*, *речи* (а также менее употребительного *просити*). Для них возможно такое употребление, когда ситуация, обозначенная вершинными глаголами *прити/pоити* и их синонимами, является предпосылкой ситуации, описываемой вербальным глаголом. *Глаголати* и *просити* в этом случае обязательно оформляются *иц*-причастием, *речи*—не обязательно, см. (9)–(11):

- (9) [...] и въздвиже на Арсѣния, мужа кротка и смиrena, крамолу велику, про-
стую чадъ. И створше вѣче на княжи дворъ, и поидоша на владыченъ дворъ,
глаголюще сице: «того ради стоять тепло долго [...].» (6736, 272)
- (10) «се приходиша ко мнѣ Болгаре, *ркуще*: приими законъ нашъ [...].» (6495, 148)
- (11) В се же время придоша людие новгородстѣи, || *просяще князя себѣ*: «аще не
поидет к нам, то мы налѣзмъ собѣ князя». (6478, 121)

Для *иц*-причастий вербальных глаголов также характерен такой контекст, когда вводимая ими прямая речь субъекта объясняет его действия (описываемые глаголом-вершиной, принадлежащим нарративной последовательности; причастие здесь

⁷Это распределение фоновых предикаций на причастные и финитные действует не всегда, а лишь в тех случаях, когда нет других факторов, влияющих на способ оформления предикации. Так, глагол *стояти* в рассматриваемом контексте обычно оформляется причастием (см. выше), но есть и финитный пример, где причастное оформление выбрано для другой фоновой предикации (*внимающи учению*), которая представляет собой отсылку к уже сообщенному:

(i) И заповѣда еи о церковномъ уставѣ и молитвѣ и о постѣ, и о милостинѣ и о воздержании тѣла чиста. Она же [княгиня Ольга], поклонивши главу, *стояше, акы губа напаляема, внимающи учению* [...]. (6463, 114)

употребляется обязательно, для глагола *rечи* возможно и *и-причастие*), см. (12) и (13):

- (12) [...] а владыка Нифонтъ его не вѣнца, ни попомъ, ни чернцмъ не да на свадбу ити, *глаголя*: «не достоить ти ея поняти». (6644, 209)
- (13) Посем же видѣвше новоторжци, дажь не прибудет из Новаграда рати, вѣсташа чернь на бояръ, *a ркуше*: «почто есте новгородцовъ призвалъ [...].» (6848, 353)

Причастную предикцию в данных случаях нельзя однозначно назвать фоновой и считать полностью мотивированной дискурсивным фактором.

Щ-причастия глаголов *хотѣти*, *видѣти* и *слышати* могут использоваться для оформления предикций, которые можно трактовать и как фоновые по аспектуальному критерию, и как принадлежащие нарративной последовательности. В таком контексте описываемая ситуация является причиной или хотя бы предпосылкой следующей, к тому же обе эти ситуации сочетаются ожидаемым образом,—но это значит, напомним, что причастная предикция оказывается pragmatically невыделенной относительно своей вершины. Так, в контексте, где главная предикция (принадлежащая нарративной последовательности) обозначает реализацию субъектом его намерения, как правило, употребляется *и-причастие* глагола *хотѣти*, как, например, в (14):

- (14) [...] въложи богъ въ сердце князю Литовскому Наримонту, нареченому въ крещении Глѣбу, сыну великого князя Литовскаго Гедимина, || и присла в Новъград, *хотя поклонитися святѣ Софїи*; и послаша новгородци по него [...]. (6841, 345)

Таковы также употребления *и-причастий* глагола *видѣти* в таких контекстах, где главная предикция (принадлежащая нарративной последовательности) обозначает реакцию субъекта на воспринятое (так как в этом случае для ситуации восприятия нет четкой дифференциации между законченностью и длительностью, возможно употребление *и-причастия* и финитных форм), см. (15):

- (15) Князь же великии, *видя многое множество безбожных Татаръ*, и не ста противу имъ || и поиха на Кострому и съ княгинею и с дѣтмѣ [...]. (6890, 378)

Если же эта вершинная предикция, с которой *хотѣти* или *видѣти* связаны ожидаемым образом, сама является фоновой по аспектуальному критерию, данные глаголы все равно чаще всего оформляются *и-причастиями*, как, например, в (16) и (17):

- (16) Святое же тѣло его понесоша къ граду Володимирию [...] от множества же народа изъгнѣтахуся, *хотяще прикоснутися честнѣмъ одрѣ тѣла его*. (6759, 306)
- (17) [...] и взяша миръ по старинѣ, мѣсяца июня въ 18 день, на память святого мученика Лентѣя, занеже не бяше миру по 4 годы, и бысть крестьяномъ радость и веселье, а диаволь, *видя крестьяномъ добро*, плакашеся, *видя себе побѣжаема* [...]. (6905, 388–389)⁸

⁸ В таком контексте причастия глаголов восприятия употребляются даже тогда, когда предикция является определительной и вводится союзным словом:

(ii) [...] друзии же мох ядяху и ушь, сосну, кору липову и листь, илемъ, кто что како замысливъ; а иини пакы злѣи человѣци добрыхъ людии почаша домы зажигати, *гдѣ слышаще рожъ и всякое обилье*, и тако грабяще имѣния их. (6738, 279)

В таком контексте *иц*-причастия глаголов восприятия употребляются обязательно даже тогда, когда реакция субъекта на увиденное является незакономерной, странной, см. (18):

- (18) [...] и се пакы поиде к нимъ к лѣсу. Они же сташа, исполцившеся, противу; а Яневѣ же идущу с топорцемъ, и выступиша от нихъ трие мужи, и придоша къ Яневѣ, и сице глаголюще ему: «видя идеша на смерть, не ходи». Оному же повелѣвшю бити я, къ прочимъ поиде. (6579, 192–193)

В некоторых случаях предикации с *иц*-причастиями нельзя назвать фоновыми по аспектуальному критерию. Так, причастия глаголов *rечи* и *глаголати* (а также *просити*) употребляются как маркеры ввода прямой речи при других глаголах с вербальным значением (т.е. причастная предикация обозначает фактически ту же ситуацию, что и вершинный глагол), см. (19)–(21):

- (19) Сия же Олга, по внегда пришедши еи уже в Киевъ, и якоже о неи въпред рекохомъ, посла же к неи царь Чемъскый, глаголя сице, яко «много одарих тя; ты бо ми рекла еси тако [...]】 многы дары пришло ти [...].» (6463, 115)
- (20) [...] новгородци же послаша по Дмитрия Александровича; Дмитрии же отречеся, ркуще им: «не хощу взяти стола перед строемъ своимъ». (6778, 320)
- (21) Ко князю же Ивану послаша Селиввестра Волошевича и Фе́дора Оврамова с выходом. Князь же присла послы свои, прося другого выхода: «а еще дайте ми запроси цесаревъ; чого у мене цесарь запрошаль» [...]. (6847, 350)

Для *глаголати* и *просити* в таком контексте используется исключительно *иц*-причастие, для *речи* возможно и другое оформление. Для прочих глаголов к такому контексту, где причастие обозначает ту же ситуацию, что и вершинный глагол, можно отнести лишь пример, где причастная предикация употреблена с отрицанием, как, в (22):

- (22) И яко быша въ дверех, и абие ста рака, *не идущи*; и повелѣша народомъ звати: «господи, помилуи» [...]. (6580, 197)

Таким образом, почти во всех случаях, кроме тех, когда две предикации обозначают одно и то же вербальное действие, основной функцией конструкции с *иц*-причастием оказывается маркирование фоновых по аспектуальному критерию предикаций; если же при этом для глагола возможны как прагматически выделенные, так и невыделенные по отношению к следующей предикации контексты, то причастие используется в невыделенных.

(Б) Конструкция с *иц*-причастием

Ш-причастия, в отличие от *иц*-причастий, образуются абсолютно от всех глагольных лексем и для нарратива более частотны, поэтому в исследованном материале таких конструкций оказалось больше всего.

Оборотами с *иц*-причастиями часто маркируются предикации, не принадлежащие нарративной последовательности, а представляющие собой отсылки назад, т.е.

Употребление причастия в таком синтаксическом контексте (при относительном местоимении) распространено и в старославянском (Růžička 1963, 195 и сл.), однако данный пример не противоречит и анализируемой содержательной закономерности употреблений причастий глаголов восприятия.

прагматические презумпции. Причастные обороты такого типа, представляя собой тему высказывания, почти всегда препозитивны. В некоторых случаях эти презумптивные предикации просто повторяют информацию об определенном событии, см. (23)–(25):

- (23) [...] усъкнуша главу его, тако сня, отвергъша главу его прочь [...]. *Бориса же убивши оканини и увертѣвше в шатерь, возложьша на кола, везоша и еще дышюще.* (6523, 171)
- (24) Цесарь нѣмѣчкыи посла, к папѣ в Римъ, и тако увѣчаста, яко не воевати на Цесарыград, ны яко же рече Исаакович «всъ град Костянтинъ хотять моего царства». Такоже *посадивъ его на престолъ*, поидѣте же къ Иерусалиму в помоць; не восхотят ли его, а ведете опять ко мнѣ [...]. (6712, 241)
- (25) [...] и услыша шюмъ страшень по морю, и видѣ носадъ единъ гребущъ [...] *Видѣвши Пелгусии таковое видѣніе и слышавши таковыи страшныи глас от святую мученику, стояше трепетенъ, дондже носадъ отъиде от очиу его.* (6748, 292)

Однако таких примеров очень мало. Гораздо более характерны для летописи прагматические презумпции несколько иного типа—сообщения о конце процесса, о начале которого уже шла речь раньше. В большинстве случаев, хотя и не всегда, в таких контекстах используются именно *и*-причастия глаголов процессуального значения, например в (26)–(29):

- (26) И отвѣщавши же Олга, и рече къ Соломѣю: «[...] тако пришедши, постоиши у мене в Почаинѣ, || якоже и азъ у тебе въ Съсуду стоявши, то тогда ти дамъ». *И сиа пакы слова глаголавши много, и аbie отпусти приходящая послове [...].* (6463, 115)
- (27) «[...] а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игореви Володимиръ, а Вячеславу Смоленскъ». И *тако рекии*, раздѣли имъ грады; и заповѣда имъ не преступати брату въ предѣль братинъ, ни сгонити [...]. (6562, 182)
- (28) Придоша иноплеменьщи, глаголемѣи Татарове, на землю Рязанскую, множество бещисла, акы прузи; и прѣвое *пришедшie*, сташа о Нуздѣ, и взяша ю [...]. (6746, 286)
- (29) [...] поидаша на Свѣю, толко за три дни по сеи вѣсти, со княземъ Семеоном Олгердовичемъ. И *приихавши въ Свѣиискую землю*, села их повоевавъ и пожгла; а Свѣи много искоша [...]. (6919, 402)

Для глаголов движения существуют и особые разновидности прагматических презумпций, в которых также употребляются *и*-причастия, хотя и не так часто. Так, подобная фоновая предикатия может содержать некоторую новую информацию—о конечном пункте движения, см. (30):

- (30) В сиа же времена прииде волхвъ, прѣльщенъ бѣсомъ; *пришедъ бо Кыеву*, глаголаше, яко явилося ми 5 богъ [...]. (6579, 191)

Также презумптивной фоновой предикатии может предшествовать сообщение не о начале движения, а о том, что субъекта побуждали отправиться в путь, как, например, в (31)–(33):

- (31) Володимиръ же посади Добрыню в Новъгородъ, уя своего. И *пришед* Добрыня къ Новугороду, постави Перуна кумиръ над рѣкою Волховомъ [...]. (6488, 128)
- (32) Того же лѣта выиде князь великии Юрьи из Орды с Татары и со всею Низовьскою землею и поиде къ Тѣфири на князя Михаила. || И, приславъ Телебегу, и позва новгородцовъ; и они, *приихавше в Торжескъ*, и доконцаша съ княземъ Михаиломъ, како не въступатися ни по одионом [...] . (6826, 337–338)
- (33) [...] «избиите || младенца, сущая дву лѣт». Они же, *ишедше*, избира младенца. (6494, 145)

Перейдем теперь к контекстам, где причастные предикации принадлежат нарративной последовательности.

Большинство *и*-причастий маркирует предикации, pragmatically невыделенные относительно вершинных. Иными словами, причастное оформление возможно (или даже почти обязательно) тогда, когда описываемая ситуация связана со следующей (обозначаемой вершинным глаголом) ожидаемым образом. Разумеется, такое употребление возможно для *и*-причастий не всех глаголов, а только тех, для которых в силу их семантики (и хотя бы в одном из значений) возможны такие стереотипные сочетания, и сами смысловые типы этих сочетаний для разных глаголов различаются.

Так, поскольку сами *и*-причастия стативных глаголов обозначают только законченные состояния, они могут использоваться только в сочетании с глаголом, который обозначает действие, кладущее конец этому состоянию; см. (34) и (35):

- (34) [...] множество бещислено || людии добрых помре тогда. Сице же бысть знамение тоя смерти: хракнеть кровью человѣкъ и *до треи день* быиъ да умрет. (6860, 363)
- (35) [...] ходи Ярославъ на Черниговъ ратю [...] пожже Шернескъ; и *стоявъ под Мосаискомъ*, въспялтия назадъ, истрати обилья много. (6739, 280)

Ш-причастия глагола восприятия *видѣти* употребляются в контексте, где вершинная предикация обозначает реакцию субъекта на увиденное, как в (36)–(38):

- (36) Князь же Иванъ, *слышавъ яко взят бысть Орѣховицъ от Нѣмцовъ*, поиха из Новагорода взадъ, не принявъ владычня благословления и новгородчкого челобитья. (6856, 360)
- (37) [...] и тако изиде изъ Грѣчкои земли. И *уеѣдавъ* цесарь, и посла искать его въ мнозѣхъ мѣстехъ [...]. (6712, 241)
- (38) И посылаху в Новъгород ис Торжкъ, что быша новгородцѣ всѣли на конѣ || в Торжокъ; и не восхотѣша чернь. Посем же *видѣвше* новоторжци, *даjdь не прибудет из Новаграда рати*, въсташа чернь на бояръ, а ркуще: «почто есте новгородцовъ призвалъ [...].» . (6848, 352–353)

Причастия *яти* и родственных ему глаголов используются тогда, когда вершинный глагол обозначает те действия, которые были затем совершены со взятым (т.е. когда вершинный глагол имеет то же самое прямое дополнение или когда речь идет об отъезде вместе со взятым или с достигнутым результатом); см. (39)–(42):

- (39) Учащу же ему въ церкви, || архиерѣи и книжники исполнишася зависти, и искаху убити и, и, *имше*, ведоша и къ игѣмону Пилату. (6494, 146)

- (40) Он же рече: «мъстите своих». Они же *поимше*, убиша я и повѣсиша их на дубѣ; отмстие приимше от бога по правдѣ. А Яневѣ идущи къ домовѣ своему [...]. (6579, 194)
- (41) Послаша к нему злато и паволокы и мужа мудра, и рѣша ему: «глядаи взора его и лица его и смысла его». Он же, *вземѣ дары*, иде къ Святославу. (6479, 122)
- (42) [...] ходи князь Ярославъ с новгородци и со плесковици и с новоторжьци и с ладожаны и со всею областью новгородчкою к Полотску, и устрѣтоша полочанѣ с поклономъ на озерѣ Касоплѣ; и *вземиши миръ*, възвратиша в Новъгород [...]. (6706, 238)

Ш-причастия глаголов *оставити* и *посадити* в значениях ‘оставить вместо себя’ и глаголов *сѣсти* и *вѣсѣсти* в значении ‘принять сидячую позу’ употребляются в тех случаях, когда вершинная предикация обозначает отъезд или вообще передвижение субъекта, как в (43)–(45):

- (43) [...] иде Ростиславъ из Новагорода в Киевъ на столь, *оставивъ сына своего в Новѣгородѣ* [...]. (6662, 215)
- (44) И почаша Ѣздити оканнии по улицамъ, пишуще домы крестиянъскыя [...] и отъихаша оканнии, || вземше число, а князь Александръ послѣ поиха, *а сына своего Дмитрия посадивъ на столѣ*. (6767, 311)
- (45) То слышавъ Святославъ, *вборзѣ сѣдши на коня съ дружиною своею*, прииде Кыеву, и цѣлова матерь свою и дѣти своя; съжалися || о бывшимъ от Печенѣгъ [...]. (6476, 119)

Ш-причастие глагола *доити* с отрицанием используется в контексте, где вершинная предикация сообщает об изменении планов идущих, см. (46):

- (46) Идоша новгородци на Дмитрия к Переяславлю [...]. Новгородци сташа, *не дошед Дмитрова 5-ю верѣстѣ*, и стояша 5 днинъ близъ себе ссылающеся послы; и створиша миръ на всеи волѣ [...]. (6791, 325)

Глагол *приняти* с прямым объектом *мнишъскыи чинъ* оформляется причастием (причем всегда инвертированным относительно главного глагола), если следующая ситуация обозначается глаголом *преставитися*, см. (47):

- (47) Преставися княгиня Ярославля, у *монастыри святого Георгия принялши мнишкии чин*; и абие ту положена бысть [...]. (6752, 298)

Ш-причастия глаголов *вѣрѣти* (при обстоятельстве *на небо*) и глагол *вѣздѣхнугти* используются в контексте, где следующая ситуация—речь субъекта (чаще всего молитва), см. (48) и (49):

- (48) «[...] ис того вода || идет по трубѣ; копавъ, переими». Володимеръ же се слышавъ, *вѣрѣвъ на небо*, и рече: «аще ся се сбудет, имамъ ся крестити». (6496, 150)
- (49) Въ день бо Вѣздвижения Всеславъ, *вѣздохнувъ*, рече: «о кресте пресвятыи, понеже в тебе вѣровахъ, избави мя от рова сего». (6576, 190)

Глагол *утаитися* оформляется *и*-причастием в контексте, где ситуация в (50) есть бегство субъекта:

- (50) На ту же зиму князь Всеволод побѣжа нощю изъ Новагорода, утаився, съ вѣмъ дворомъ своимъ; новгородци же печални быша о томъ. (6730, 263)

Примеры последних типов, возможно, отличаются от предыдущих примеров на pragматическую невыделенность: у глаголов *вѣрѣти* и *утаитися* есть синонимы, но в описанных выше контекстах употребляются только эти лексемы.

Правило оформления *и*-причастием предикаций, pragматически невыделенной относительно следующей, выполняется стопроцентно для устойчивых сочетаний типа *прѣставися принявши мнишкии чинъ, бѣжа утаився, вѣрѣвъ на небо / вѣздохнувъ рече*. В остальных случаях нередко возможны и личные формы. Предполагают, что условия для вариативности могло создавать, в том числе, сходство *и*-причастий с претеритами: в единственном числе—с аористом (*слышавъ-слыша*), во множественном числе—с аористом и имперфектом единственного числа (*слышавше-слышаши-слышаше*), см. Алексеев (1987). К тому же можно предположить, что существовали и некоторые контексты, где pragматическая невыделенность предикации была не совсем очевидна и поэтому допускались оба способа оформления.

Существуют также некоторые *и*-причастные конструкции, употребление которых не объясняется прямо pragматической невыделенностью, но все же обусловлено рядом pragматических закономерностей. Так, передвижение как ситуация не бывает связано ожидаемым образом ни с какой следующей ситуацией, но некоторые закономерности, связанные с употреблением причастия глагола *ити*, объясняются pragматически. Это *и*-причастие может использоваться только тогда, когда цепочка глаголов, в которой оно находится, не завершается глаголами *прити* или *вѣзвратитися*, т.е. когда предикация с этим глаголом не оказывается в некотором роде ключевой, как в (51) и (52):

- (51) Потом же, на зиму, *иде* князь Мѣстиславъ с новгородци на чюдьскыи город, рекомыи Медвѣжию голову, села их потрати; и придоша под город, и поклонишаася Чюдь князю, и дань на них взя; и *приидоша* вси здрави. (6720, 250)
- (52) [...] соимя ризу съ себе, обѣщаася богу на 3 лѣта, како прияти риза своя, а устава мнишкаго не осталася; скопи около себе вои отца своего приятели, помоляся кресту честному, *шедши на поганую Литву*, и побѣди их [...]. (6773, 314)

Ситуация движения, как правило, имеет со следующей ситуацией не только общее действующее лицо, но и других общих участников. В эту следующую ситуацию бывает вовлечен адресат движения или его конечный пункт. Возможно, этим и объясняется то, что *и*-причастия глаголов движения могут появляться, и не так уж редко, в нарративной последовательности. Во всяком случае, только подобной содержательной закономерностью—общностью участников—можно объяснить употребление *и*-причастий глаголов *присѣлати* и *посѣлати* (не в значении ‘обратиться’) в контексте, где адресат присылки—участник следующей ситуации, см. (53) и (54):

- (53) И ркоша плесковици, *приславше Гричина*: «тобѣ, княже, кланяемся и брати новгородцемъ; на путь не идемъ [...].» (6736, 271)
- (54) Посемь же Володимиру живущу в законѣ крестиянѣстѣ, помысли создати церковь святыя Богородица; и *пославъ*, приведе мастера от Грикъ. (6499, 165)

При этом *присълати* оформляется причастием обязательно, а *посълати*—гораздо реже, так как не обозначает обязательно успешного, результ ativного действия.⁹

Имеется еще небольшое количество *и*-причастных конструкций, появление которых, вероятно, мотивировано дискурсивными факторами. Таковы примеры, где описываемая ситуация не находится со следующей ни в какой закономерной связи, но сам глагол употребляется с отрицанием. Иными словами, следующее действие было при этом реализовано без предшествующего результата (если бы предикация не имела отрицания, то, вероятно, была бы финитной). Таковы примеры на глаголы *видѣти*, *възъти*, *приняти* (просьбу), а также *послушати* в контексте, где перед этим просьба не излагалась, и на глагол *пустити*, обозначающий ситуацию, другим глаголом не обозначаемую; см. (55)–(56):

- (55) Князь же Юры Володимиръскыи тогда посла Еремъя в сторожъх воеводою, и сняся с Романомъ; и оступиша их Татарове у Коломнѣ, и биша крѣпко, и прогониша их ко надолобомъ и ту убиша князя Романа и Еремъя, и много ту паде съ княземъ и съ Еремъемъ. Москвици же побѣгоша, *ничегоже не видѣвше*. Татарове же взяша град мѣсяца декабря въ 21 [...]. (6746, 287)
- (56) И заступи богъ и святая Софья свои домъ, и отъидаша [литовцы], *города не вземише*. (6889, 378)

Такого рода причастные предикации оказываются всегда инвертированными относительно главных.

Этим исчерпывается набор *и*-причастий, появление которых можно считать мотивированным прагматическими факторами. Переидем теперь к закономерностям употребления причастий, которые подобными факторами не объясняются.

Так, когда *и*-причастия глаголов *прити* и *приѣхати* используются в нарративе, то почти всегда вершинный глагол не является вербальным (если же за ситуацией движения следует вербальная, как правило, используется конструкция *приде глаголя*), как в (57) и (58):

⁹ Для выводов о том, каковы закономерности выбора позиции причастной предикации относительно вершины в прагматически невыделенном контексте, материала не совсем достаточно: отдельные глаголы в данном контексте имеют всего по несколько причастных употреблений. Однако вкратце затронем и этот вопрос.

В препозиции, без инверсий, употребляются *и*-причастия глаголов восприятия *слышати*, *уѣздати*, а также *видѣти*. Есть также ряд других глаголов, чьи *и*-причастия в случае прагматической невыделенности употребляются только в препозиции (*стояти*; *посълати*; *яти*, *изымати* и *възъти* с объектом, совпадающим с объектом следующей ситуации; *вѣѣсти*; *вѣѣрѣти*; *въздохнуть*), но многие из этих *и*-причастий появляются в исследуемой летописи всего по несколько раз—возможно, если бы примеров было больше, картина была бы иной.

Как иконический порядок, так и инверсию допускают в прагматически невыделенном контексте причастия многих глаголов: *быти*; *сѣѣти*; *присълати*; *посадити*; *утаитися*, *възъти* и *пояти* при следующей ситуации-движении; *доити* с отрицанием. Только в постпозиции употребляются *и*-причастия глагола *оставити*, но употреблений этого *и*-причастия всего несколько. Среди более частотных конструкций выделяется устойчивое сочетание *преставися* *приимъши иноческии чинъ*, где причастие всегда постпозитивно, а финитных форм не бывает. Такого рода контексты по ряду параметров могут отличаться от тех, где постпозиции причастия не бывает. Предикации с глаголами *быти* и *сѣѣти* часто описывают ситуации, длившиеся не один год и начавшиеся задолго до года, к которому отнесена ситуация, обозначаемая вершинной предикацией. Глаголы же *пояти*, *възъти* (*с собой*), *посадити*, *оставити*, *утаитися*, *присълати*, *прияти* (*иноческии чинъ*), наоборот, обозначают ситуации, которые в случае прагматической невыделенности можно рассматривать почти как одновременные ситуациям, обозначаемым главными предикациями.

- (57) Того же лѣта *прииедиши из моря* разбойницѣ Нѣмци в Неву, взяша села по обѣ сторонѣ рѣкѣ, за 5 верѣсть до городка до Орѣшка. И князь Семеонъ с городцаны сугнавши, иных избиша, и иных разгониша, и языкъ в Новъгород приведоша [...]. (6900, 385)
- (58) Тои же зимѣ тѣи же послове нѣмѣчкыи *прииахавши в Новъгород*, и товары свои поимахут, и крестъ цѣловатѣ [...]. (6899, 384)

Однако употребление этих причастий с вербальным вершинным глаголом, хотя и крайне редко, но тоже допустимо.

Точно так же, как и в случае *иц*-причастий, ряд особых закономерностей употребления обнаруживают *иц*-причастия самих вербальных глаголов. *Ш*-причастием глагола *rечи* может оформляться фоновая по аспектуальному критерию предикация, которая вводит объяснение субъектом его действий, как, например, в (59):¹⁰

- (59) [...] и съгна отца съ престола, а самъ цесаремъ ста и *сице ему рекиши*: «ты еси слѣпъ, како можеши царство держати, и азъ есмъ цесарь». (6712, 242)

Причастие глагола *rечи* нередко может обозначать фактически ту же ситуацию, что и вершинный глагол, вводя при этом прямую речь, см. (60) и (61):

- (60) Пострижеся въ скиму архиепископъ Моисии по своеи воли, и много молиша и новгородци всѣмъ Новынгородомъ с поклономъ, дабы сѣль пакы на своеи престолѣ, и не послуша их, нѣ благослови, *сице рекиши*: «изберите себѣ мужа [...].» (6838, 342)
- (61) Князь Витовтъ Литовъскыи Кестутьевич присла в Новъгород възметную грамоту, *рекъ тако*: «обеще||ствовать мя есте, что было вам за мене нятися [...].» (6907, 393)

В отдельных случаях *иц*-причастие этого глагола может использоваться даже тогда, когда предикация оказывается последней во фрагменте нарративной цепочки, относящемся к одному подлежащему, при отсутствии таких элементов контекста, как объяснений субъектом своих действий и одновременность ситуаций, как в (62):

- (62) И стрѣте их с Велѣ владычень волостель Исаи, *рекъ имъ тако*: «господо воеводы новгородчкыи, наихавъ, господо, князя великаго бояринъ Андрѣи с Іваном с Микитинимъ и съ двиняны на святѣи Софѣи волость на Вѣль в самъ великъ день, святѣи Софѣи волость повоеваша, а на головах окупить поимаша [...].» (6906, 391)

Такого рода употребления *иц*-причастия, возможно, возникали в результате его переинтерпретации в качестве синтаксически универсального средства ввода прямой речи.

Для некоторых глаголов *иц*-причастия появляются тогда, когда эти глаголы употребляются только в определенном значении или описываемая ситуация имеет участников определенного типа, хотя примеров на такие контексты немного — по несколько на каждый.

Ш-причастие глагола *възяти* обязательно употребляется тогда, когда прямой объект глагола — оружие или крест, см. (63):

¹⁰ В этом контексте одинаково возможно и *иц*-причастие, см. раздел 2 (А).

- (63) Глѣбъ же, въземъ топоръ под скуд, и прииде къ волхву, и рече ему: «то вѣси ли, что утро хощеть быти, что ли вечеръ» [...]. Глѣбъ же, выимя топоръ, ростя и, и паде мертвъ; и людѣ разидаша. (6579, 196)

Ш-причастие глагола *приняти* обязательно употребляется во всех случаях, когда прямой объект предикации не является живым лицом, как в (64):

- (64) И рече Авраамъ: «искушо богы отца своего» [...]. И *приимъ* Аврамъ *огнь*, зажъже кумиры въ храминѣ. Видѣ же се Аранъ, братъ Аврамовъ, ревнуя по идолѣхъ, хотѣ вымыцати идолы; самъ сгорѣ ту [...]. (6494, 137)

Ш-причастие глагола *въстати* обязательно используется тогда, когда глагол имеет буквальное значение ‘подняться’, см. (65):

- (65) Ны въсприимъ псаломъскую пѣснъ, и рече: «суди, господи, обидящимъ мя и възбрани борющимся со мною, приими оружие и щить, стани в помошь мнѣ». И скончавъши || молитву, и *въставъ*, поклониша архиепископу. Епископъ же Спиридонъ благослови его [...]. (6748, 291)

Ш-причастие глагола *съдумати* почти всегда используется именно тогда, когда глагол употребляется без прямого дополнения и в значении ‘принять коллективное решение’ (15 примеров), см. (66):

- (66) [...] и придоша плесковици и ладожанѣ Новугороду и выгониша князя Всеволода из города; и пакы, *сдумавши*, въспятиша и опять Устьяхъ [...]. (6640, 207)

Некоторые малоупотребительные глаголы вообще в исследуемом тексте оформлены только *ш*-причастиями (*ѣхати* и *дожьдатися*), см. (67)–(68):

- (67) Того же лѣта постави Титмановиць отиis городокъ на сеi сторонѣ Наровѣ; новгородци же, *ѣхавше*, пожгоша и, и село его великое взяша [...]. (6802, 328)
- (68) [...] нь иные ркоша: «уже есть вельми к нощи, егда како смятемся и побиемся сами»; и тако сташа близъ противу себѣ, ожидающе свѣта. И тако оканнѣи преступници кресту, *не дождавши свѣта*, побѣгова. (6776, 318)

Наконец, причастный оборот может изредка встречаться в таком контексте, где в остальных десятках примеров употребляются финитные формы. Некоторые глаголы, которые регулярно бывают оформлены причастиями только в определенных контекстах (*възяти*, *пояти*, *присылати*, *съдумати*, *доити*, *прияти*), имеют одно-два причастных употребления и в прочих контекстах, нормальных для финитных форм. Встречаются также *ш*-причастия глаголов, которым причастное оформление в подавляющем большинстве случаев вообще не свойственно (*повелѣти*, *посылати*, *стати*). Такие примеры весьма редки, но они показывают, что некоторая вариативность при выборе способа оформления предикации (*ш*-причастного или финитного) возможна почти всегда. Хотя большая часть употреблений *ш*-причастий обусловлена факторами дискурсивного плана (презумпционностью или pragматической невыделенностью предикации) или иными содержательными закономерностями, вероятность причастного оформления существует и тогда, когда никакие закономерности этому не способствуют. Возможно, это обусловлено тем, что у оборота с *ш*-причастием, в отличие от конструкции с *щ*-причастием, нет такой функции, которая могла бы выступать как основная, инвариантная, или была бы универсальной для причастий абсолютно всех глаголов.

Следует особо сказать и о тех конструкциях с причастиями в именительном падеже, которые нарушают традиционный церковнославянский синтаксис причастий. Таких конструкций в исследуемом тексте по сравнению с обычными совсем немного, поэтому на них не имеет смысла сосредотачиваться специально. Многие из этих конструкций употребляются в тех же по дискурсивным характеристикам контекстах, что и их синтаксически правильные аналоги. Вероятно, они появлялись в результате такой перепрепарации причастных оборотов, когда книжники усваивали содергательные закономерности их употребления, но не следовали формально синтаксическим ограничениям на их употребление. Ср. конструкции традиционного типа и именительные самостоятельные с одними и теми же глаголами (69)–(74):

- (69) Тогда Михаиль снемъ коць свои, верже къ нимъ, глаголя *имъ*: «приимете славу свѣта сего, аще ся вам его хощеть». (6753, 302)
- (70) И заповѣда еи о церковномъ уставѣ и молитвѣ и о постѣ, и о милостинѣ и о воздержании тѣла чиста. Она же, поклонивши главу, стояще, акы губа напаяема, внимающи учению; и поклонивши патриарху, *глаголюще*: «молитвами твоими съхранена буду [...].» (6463, 114)
- (71) [...] и позва всѣхъ новгородчовъ съ собою, и идоша с нимъ въсъ Новъгород и Плесковъ, поимше съ собою владыку Давыда; и *прииедиши на Волгу*, и доконциша съ княземъ Михаиломъ миръ [...]. (6826, 338)
- (72) [шарица] поиде чресъ море. *Яко же прииедиши къ Корсуню*, излѣзоша корсунянѣ из града, и прииодша на брегъ, и поклонишаця цесарици [...]. (6496, 151)
- (73) И тогда, бѣжа Ростиславъ [...] изъ Новагорода, септября въ 1, *сѣдѣвъ лѣто и 4 мѣсяци* [...]. (6647, 211)
- (74) [...] и сѣдѣ на столѣ отиѣ; а в Новѣгородѣ посади сына своего Всеволода. И *сѣдивъ Всеволод 20 лѣтъ*, и выгнаша и [...] поїзва его брат Изяславъ въ Русь, а сына своего присла Ярослава. И *тѣ сѣдивъ лѣто*, и выгнаша его новгородцы [...]. (6497, 161)

В исследуемом тексте было и несколько именительных самостоятельных, см., например, (75):

- (75) [...] и отступися въ островъ далече, а Емъ на брезѣ с полономъ: воевалѣ бо бяху около озера на исадѣхъ. Той же ноши *просивше мира*, и не дастъ имъ посадникъ с ладожаны [...]. (6736, 270)

Употребление этих именительных самостоятельных не мотивировалось никакими содергательными закономерностями. Но точно так же не объяснимы этими закономерностями и некоторые примеры на традиционный оборот, чьими аналогами и можно считать такие именительные самостоятельные.

3 Дательный самостоятельный

Сначала перечислим типы дискурсивных контекстов, в которых употребляются конструкции с субъектом, не совпадающим с подлежащим вершинного глагола, так как эти конструкции являются более традиционными с точки зрения синтаксиса и встречаются в нарративе с большей частотой. Затем обратимся к конструкциям с субъектом, совпадающим с подлежащим глагола-вершины.

3.1 Дательный самостоятельный с субъектом, не совпадающим с подлежащим вершинного глагола

(А) Конструкция с *иц*-причастием

Почти все предикации такого типа являются фоновыми по аспектуальному критерию. При этом многие из них не оказываются второстепенными по иным дискурсивным параметрам. Таковы обороты с глаголами *быти* (в значении ‘находиться’, подлежащее стоит в единственном числе), *сѣдѣти* и *стояти* (в значении ‘пребывать в соответствующей позе’) и *ити*, см. (76)–(78):

- (76) В лѣто 6574. *Ростиславу сущю Тмутороканю* и емлющю дань у Касогъ и у иных странъ, сего же убоявшеся Грѣци, послаша с лестию катопана. (6574, 185)
- (77) [...] сии же придоша на княжъ дворъ. *Изяславу сѣдѧщу на сѣнѣх с дружиною своею*, и начаша прѣтися съ княземъ, стояще долѣ. Князю изо оконца зрящу и дружинѣ стоящи у князя, и рече Туки, брат Чюдинъ, Изяславу: «видѣши, княже, людие возлиси суть; пошли соль, да блюдут Всеслава». (6576, 189)
- (78) [...] рекше ему: «приди к намъ, яко не створим ти зла». Онъ же, надѣся о цѣловании || креста, приихавши в лодыи чресъ Днепръ. *Изяславу же в шатерь преди идущу, Всеславу по немъ идущу*, тако Всеслава яша на Риши у Смоленъска, преступивше кресть. (6575, 186)

В исследованном материале все глаголы, обязательно оформляемые в подобном контексте дательным самостоятельным, обозначают физические действия или состояния.

Обязательно маркируются дательным самостоятельным с *иц*-причастием фоновые по аспектуальному критерию предикации, являющиеся при этом также отсылками назад (имеются примеры на *ити*, *глаголати*, *хотѣти*), см. (79)–(81):

- (79) То слышавъ Изяславъ, остави Ляхы, поиде с Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ; посла же пред собою сына своего Мъстислава къ Кыеву. И пришед Мъстиславъ, исѣче, иже бѣша высѣклѣ Всеслава, числомъ 70 чади; а другиа слѣпиша, иныя же безъ вины погуби, не испытавъ. *Изяславу же, идущу къ граду*, изиша людье противу с поклономъ [...]. (6577, 191)
- (80) [...] рече Михаилу Федоръ: «слово отца своего духовнаго помниши ли, еже учаще нас от святого еуангелия [...]. Се же глаголющу Федору к Михаилу, они же начаша и молити и притѣжно, да послушаетъ их. (6753, 301)
- (81) И рече Володимири: «требите путь и мосты мостите»; хотяшеть бо пойти на Ярослава, сына своего; аbie разболѣся. В лѣто 6523. *Хотяющу ити на Ярослава Володимириу*, Ярославъ же послана море, приведе Варяги, бояся отца своего [...]. (6522–6523, 168)

Такое употребление возможно, видимо, для всех глаголов.

К фоновым отсылкам назад близка еще одна особая группа: частично лексикализованные дательные самостоятельные. Такие конструкции представляют собой указания на календарную дату и вообще на момент времени, встречающиеся в рассказе о событиях, происходивших с людьми. Употребляемые в них глаголы достаточно редки и в других контекстах не появляются: *свѣтати/освѣтати* (подлежащее—день или название дня недели), *вѣсходити* (подлежащее—солнце), *исходити* (подлежащее—лѣто), например (82)–(84):

- (82) Заутра же, *солнцу въсходяшу*, внидоша [крестоносцы] въ святую Софью, и одраша двери и расѣкоша [...]. (6712, 244)
- (83) Отъяша новгородци посадничество у Андрѣа Климовича и даша Юрью Мшиничю, великое говѣніе, *исходяшу лѣту 8-му*. (6798, 326)
- (84) [...] и владыка Семеонъ, вшед въ церковь святыя Софью, съ иерѣи, съ крилошаны, *уже свитаюю дни в понедѣльник*, и повелѣ молбень пѣти святыи богородици за весь род крестьянъский о преставлении гнѣва божиа. (6929, 413)

Дательный самостоятельный в таком контексте употребляется обязательно. В таком же контексте может использоваться и дательный самостоятельный глагола *быти* в значении ‘иметь место’ с подлежащим—единицей календаря (хотя такую конструкцию уже нельзя назвать лексикализованной), см. (85):

- (85) [...] и пришедшe на Волгу, и доконцаша съ княземъ Михаиломъ миръ, како ити въ Орду обѣима, а брата Юрьева и княгину пустити. И приидоша новгородци вси в Новъгород, *веснѣ суши*; а князь Юръи иде на Москву, оттолѣ въ-Рду. (6826, 338)

Все такого рода предикации, хотя и не являются прагматическими презумпциями, но тоже привязывают события, о которых идет речь, к известной читателю временной сетке.

В единичных случаях рассматриваемая конструкция может употребляться и в других контекстах. Так, фоновой по аспектуальному критерию можно считать вводимую подчинительным союзом предикацию, см. (86):

- (86) [...] тацѣ святыи богородици ризу изънесьше, въ море скудь омочиша; а во время то *яко тишинѣ суши*, и аbie буря вѣста и потапляше корабля рускыя, и изверже я на брѣгъ, и во своя сы возвратишася. (6362, 105)

Однако в отличие от всех вышеперечисленных, подобная предикация синтаксически зависит от имени, а значит, не является обстоятельством.

В таком редком контексте с глаголом, где предикация с отрицанием обозначает не реализованное желание, тоже употребляется дательный самостоятельный. Возможно, этот случай книжник хотел отличить от тех многочисленных употреблений данного глагола, где речь идет просто о намерении, затем реализуемом, см. (87):

- (87) По убиении отца своего, *не хотяшу ему сего створити*, нь богу попущьши на них, на поганую Литву, за крестиянскую кровъ, вложи сему въ сердце, соимя ризу съ себе, обѣщася богу на 3 лѣта, како прияти риза своя, а устава мнишкаго не остася; скопи около себе вои отца своего приятели [...]. (6773, 314)

Но все же в подавляющем большинстве случаев рассматриваемая конструкция оказывается четко увязанной с рассматриваемыми дискурсивными факторами второстепенности.

(Б) Конструкция с *иi-причастием*

Обороты такого типа могут иметь самые разные функции. В отдельных случаях дательные самостоятельные этого типа оказываются синтаксическими эквивалентами оборота с *иi-причастием* в именительном падеже. Так, оборот с *иi-причастием* глаго-

ла *сѣдѣти* может быть одним из вариантов оформления прагматически невыделенной предикации, см. (88):

- (88) Прииде от Чернигова къ Новугороду князъ Ярополкъ Ярославицъ на вербъницио, мѣсяца марта; *и сѣдѣвши ему одину бѣ мѣсяцъ*, и выгнаша его из Новагорода, и послаша опять по Ярослава с Нового торгу в Володимирь, позвани Всеволодомъ. (6705, 236)

Конструкция с глаголом *прити* нередко может маркировать отсылки назад, см. (89):

- (89) [...] выиде князъ великии Юрьи из Орды с Татары и со всею Низовьскою землею и поиде къ Тѣфири на князя Михаила [...] *Князю же Юрью прииѣдши с полкы близъ Тѣфири за 40 верстъ*, и ту выиде на нь Михаило князъ со Тѣфири [...]. (6826, 337–338)

К отсылкам назад можно отнести еще два дательных самостоятельных с глаголами движения, например (90)–(91):

- (90) [...] и посадиша его въ епископылѣ дворѣ; и послаша о немъ къ митрополиту, и митрополит пакы прислаше по него съ великою честью. *Сице же оному поиѣдши съ предними мужи*, и въсприяша его с любовию князъ Святославъ и митрополит, и поставиша и декабря въ 10 [...]. (6701, 232)
- (91) Той же зимѣ прииха в Новъгород князъ великии Иванъ Данилович, в четверток на мясопустной недѣли, мѣсяца февраля въ 16, на святого мученика Памфила. [...] Того же лѣта князъ великии Иванъ хотѣти на Плесковъ с новгородци и со всею Низовьскою землею, и бысть ему по любви рѣчъ с новгородци [...] Того же лѣта, *великому князю Ивану прииахши въ Торжокъ из Новагорода*, воеваша Литва Новоторжьскую волость на миру; и пославъ князъ великии, пожже городкѣ Литовьскыи Осѣченъ и Рясну [...]. (6842–6843, 346)

Пример (91)—отсылка не только к уже сообщенному (о том, что князь был в Новгороде), но и к знаниям о мире (обратный путь в Москву должен лежать через Торжок).

Только для глагола *быти* дательный самостоятельный с *и*-причастием может маркировать фоновые по аспектуальному критерию предикации, т.е. быть синонимом конструкции с *и*-причастием (подлежащее глагола *быти*—в единственном числе), см. (92):

- (92) Того же лѣта князъ великии Василии, собравъ вои, и поиде на того же Махмета и прииде въ Суздалъ; *и бывши ему въ Еуфимьеву манастыря*, и без вѣсти наидаша Тотарове, и бысть сѣча велика [...]. (6953, 426)

Точно так же, как и оборот с *и*-причастием, конструкция с *и*-причастием может указывать на период времени, календарную дату, с которой соотнесены происходившие события. Предикции этого типа, как уже было сказано, близки прагматическим презумпциям. Такие лексикализованные употребления характерны только для ряда редко употребляемых глаголов (*настать*, *приспѣти*), см. (93) и (94):

- (93) [...] в сии бо день концѣвается постъ 40, начинаемъ от прѣваго понедѣлника, *наставио Федоровѣ недѣли*, концается в пяток Лазаревъ [...]. (6582, 200)
- (94) И прииде Святославъ к порогомъ, и не бѣ лѣ проити; и ста зимовати в Бѣлобережы; и бѣ гладъ великъ, по полугривнѣ голова конячья. *Веснѣ же приспѣвши*.

А се княжение Ярополче. В лѣто 6480. Поиде Святославъ в порогы [...]. (6479–6480, 124)¹¹

В других случаях эти глаголы вообще не употребляются. В контекстах этого же типа может употребляться и конструкция с глаголом *быти* в значении ‘иметь место’ с подлежащим—единицей календаря, как в (95)–(96):

- (95) [...] прииде к Бѣлугороду Всеславъ, *бывши ноци*, и утаивъся киянъ, бѣжа из Бѣлагорода Полотьску. (6577, 190)
- (96) [...] впаде в болѣзнь. Разболѣвшо || бо ся ему днин пять, посемъ, *бывшю вечеру*, повелѣ изнести ся на дворъ [...]. (6582, 200)

Все остальные употребления дательного самостоятельного с *и*-причастием не удовлетворяют ни одному из рассматриваемых критериив второстепенности. Среди об оборотов, не маркирующих второстепенные предикации, тоже могут быть лексикализованные, устойчивые конструкции. В исследуемом тексте такая конструкция одна—*Богу попушию*, см. (97):

- (97) Того же лѣта и в Литвѣ бысть мятежъ, *богу попушию на них гнѣвъ свои*: вѣсташа сами на ся, убира князя велика Миндовга свои сродницы, свѣщающи ся отаи всѣх. (6771, 313)

Особую функцию мог иметь оборот с глаголом *речи*—вводить реплики в диалоге, как в (98):

- (98) Единою же пиющю Ростиславу съ дружиною своею, рече котопанъ: «княже, хощю на тя пити». *Оному же рекию*: «пии». Он же испивъ половину, а половину дастъ князю пити [...]. (6574, 185–186)

Все три подобных оборота принадлежат соседним погодным статьям (и, вероятно, перу одного автора). В подавляющем большинстве случаев в таком контексте используются, естественно, финитные формы.

Среди предикаций, употребление которых не объясняется рассматриваемыми дискурсивными факторами, можно выделить те, где речь идет о явлениях природы, например (99)–(101):

- (99) И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса изѣдѣлати и вѣставити корабля на колеса. *И бывшию покосну вѣтру*, и вѣспяша прѣ, и с поля идоша къ граду. (6430, 108)
- (100) И *бывши единою скудости в Ростовѣстѣ области*, вѣстаста два вольхва от Ярославля [...]. (6579, 192)
- (101) Тогда же померзъши озеру и стоявшю 3 дни, и вѣздра угъ вѣтре, и изломавши, внесе все въ Волхово [...]. (6736, 273)

Предикации такого рода так же, как и отсылки к календарю, по своей семантике (одновалентность глагола, неодушевленность субъекта, неконтролируемость ситуации) отличаются от окружающих их предикаций нарратива. Поэтому не исключено, что употребление дательного самостоятельного могло иногда увязываться с такого рода контекстами. Однако предположение о том, что дательный самостоятельный

¹¹ А се княжение Ярополче. В лѣто 6480—вставка позднейшего редактора (Гиппиус 2006).

мог иметь такую особую функцию, на имеющемся материале нельзя доказать: фиктивные формы в исследуемом тексте также нередко употребляются при описании явлений природы.

Некоторым ‘обратным’ аналогом подобных оборотов можно считать дательный самостоятельный с *прити*, имеющим одушевленное подлежащее в контексте рассказа о явлениях природы, см. (102):

- (102) В то же лѣто громъ бысть страшень зѣло и молниа; *пришедши мъ съ кресты от святыя Софїя къ святому Михаилу* и поющимъ 9 пѣснь, и шибе громъ и молниа [...]. (6695, 229)

Вероятно, дательный самостоятельный мог использоваться и в других случаях, когда предикация имела некоторое сходство с отсылками к календарю, как в примере (103):

- (103) И посемь вземше братъя, и несожа его [Феодосия] в келию, и положиша на одръ. *И шестому дни наставию*, болну сущу вѣдому, прииде к нему Свято-славъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ. (6582, 201)

Для многих из исследованных глаголов появление дательных самостоятельных с *и*-причастием вообще не характерно.

В целом, данная конструкция встречается чаще, чем оборот с *и*-причастием (что естественно для нарратива), и функции ее могут быть разными: маркирование фоновых по аспектуальному критерию контекстов (только для стативного глагола), фоновых отсылок назад, pragматически менее выделенных предикаций. Для причастий некоторых глаголов характерно употребление в особых контекстах, не мотивируемое исследуемыми дискурсивными параметрами. Точно так же, как и в случае оборота с *и*-причастием в именительном падеже, некоторая вероятность употребления рассматриваемой конструкции есть для любого контекста, так как конструкция не связана с фоновыми, ‘второстепенными’ контекстами преимущественно одного конкретного типа.

3.2 Дательный самостоятельный с субъектом, совпадающим с подлежащим глагола-вершины

Данная конструкция, не характерная (точно так же, как традиционный дательный самостоятельный) для некнижного, более близкого к разговорному, стиля, не свойственна и стандартному церковнославянскому (точно так же, как именительный самостоятельный). Это значит, что ее появление в летописном языке не было результатом ни копирования образцового узуса, ни прямого влияния разговорного языка. Работал исключительно механизм переинтерпретации писцом грамматики образцовых текстов.

(A) Конструкция с *и*-причастием

Этот оборот почти не употребляется в контекстах, фоновых только по аспектуальному критерию (в таком случае используется оборот с *и*-причастием).¹² Но исследуемая конструкция регулярно маркирует фоновые по аспектуальному критерию

¹² Причастные конструкции с глаголами, употребление которых не мотивировано дискурсивными факторами, бывают как препозитивными, так и постпозитивными (например, с глаголом *съдумати*). Всегда препозитивными являются конструкции с редко употребляемыми глаголами *стати*, *вѣстити*, *посѣлати* не в вербальном значении, *ѣхати* и более частыми глаголами *ити*, *приѣхати* и *прити* (но для последнего есть одно исключение). Причастия этих глаголов движения, а также некоторых других, функционирующих в препозиции, в летописном тексте всегда одиночны, не имеют зависимых.

предикации, представляющие собой отсылки назад. Таковы обороты с глаголами *стоять* (в значении ‘пребывать в стоячей позе’), *ити*, *видѣти*, см. (104)–(106):

- (104) [...] бѣ нѣкто муж старѣшина в земли Ижерьской, именемъ Пелгусии, поучена же бѣ ему стража морская [...] Стоящу же ему при краи моря, стрегущу обою пути, и пребысть въсю ношь въ бдѣнии [...]. (6748, 292)
- (105) Нь сиа страшная казнь на нас бысть, понеже бо грѣховъ своихъ не каяхомся, а злая дѣла бес престаны творяще, а видяще пред очима своима гнѣвъ божии [...] Тоже намъ все видящим пред нашима очима, нь видящи се како бы намъ лучьши быти, мы же пущи быхом: брат брату не съжаляштесь, ни отецъ сынови, ни мати дщери [...]. (6738, 279)
- (106) [Игорь] возмѧ дань, поиде въ свои град. *Идущу же ему вѣспять*, размысливъ, рече дружинѣ своей: «идѣте съ данью домовъ, а язъ возвращуся [...].» (6453, 110)

Такое употребление возможно, видимо, для всех глаголов. В отдельных редких случаях рассматриваемая конструкция может использоваться и в других контекстах. Для глагола *слышати* оборот с *иц*-причастием в дательном падеже появился в контексте, гораздо более типичном для *иц*-причастия в именительном падеже: он маркирует предикацию, pragmatically невыделенную по отношению к следующей, см. (107):

- (107) *Егда же ему приблизившися, и се слышащим ординьским княземъ приход князя рускаго Александра грознаго, повѣдаша цесареви; и се начаша его стрѣтати.* (6754, 304)

Точно так же, как и другие причастные конструкции, дательный самостоятельный с *иц*-причастием может появиться и в контексте, не являющемся дискурсивно второстепенным и типичным для причастных оборотов, как, например, в (108):

- (108) И прииде съ поклономъ съ князи Половечьскими къ зятю своему в Галицько Мѣстиславу и ко всѣмъ княземъ рускымъ, и дары принесе многы: кони и вельблуды и буволы и дѣвки, и одариша князеи руских, *и сице глаголющю ему тако*: «нашию землю суть днесь отняли, а вашю заутра пришедшe возмут»; и молися Котянь зятю своему. (6732, 265)

В целом функции рассматриваемой конструкции совпадают с функциями традиционного дательного самостоятельного с *иц*-причастием. Имеющиеся исключения— конструкция не маркирует предикаций, фоновых только по аспектуальному критерию, и устойчивых, лексикализованных конструкций—вполне закономерны.

(Б) Конструкция с *иц*-причастием

Большинство подобных предикаций (так же, как и в случае оборота с *иц*-причастием) представляют собой отсылки назад. Таковы обороты с глаголами *ити*, *прити* (когда известно, что субъект отправился в путь или его побуждали отправиться), а также *речи* (отметки конца прямой речи), см. (105)–(112):

- (109) [...] волхвом же пришедшимъ пред цесаря, рече имъ цесарь: «еже есть по обычаю нашему, створите князю Михаилу, то потомъ пред мя приведите его». *Оним же шедшимъ к Михаилу*, глаголюще ему: «цесарь Батыи зовет тя». (6753, 300)

- (110) И рче Святославъ: «введите их съмо»; и абие приведоша и. *Онѣмъ же слом* *пришедшимъ и пакы поклонившимся ему*, и положиша пред нимъ злато и паволокы. И рече Святославъ, кромъ зря, отрокомъ своимъ: «возмѣте, кому что будетъ». (6479, 122)
- (111) Увидѣвъ же се оканныи Святополкъ, яко еще дышеть, посла два Варяга прикончать его. *Онѣма же пришедшима, и видѣша, яко еще живу сущу ему, единъ ею изъвлекъ мечъ, пронзѣ и въ сердце.* (6523, 171)¹³
- (112) И рече Яковецъ Савици: «брате, судит ти богъ и святая Софья, аще еси по думаль на кровь браты своеи; и станеши с нами пред богомъ и отвѣщаши за кровь нашю». *И то ему рекъши, убиенъ бысть.* (6701, 233)

Впрочем, употребление дательного самостоятельного в таком контексте не обязательно.

Для глагола *сльшати* оборот с *и*-причастием в дательном падеже мог в редких случаях появляться в контексте, гораздо более типичном для *и*-причастия в именительном падеже—маркировать pragmatische невыделенную предикцию, как в (113):

- (113) [...] «аще можеши противитися мнѣ, королевѣ, то се уже есмь здѣ и плѣню землю твою». *Князю же Александру сльшавши слова их, разгорѣся сердцемъ, и вниде въ церковь святыя Софья [...].* (6748, 291)

Точно так же, как и другие причастные обороты, данная конструкция в отдельных случаях могла употребляться и в контекстах, гораздо более характерных для финитных форм, см. (114) и (115):

- (114) [Князь Владимир] помысли создати церковь святыя Богородица; и пославъ, приведе мастера от Грикъ. *И наченю же ему ставити, и яко сконца церковь, и украси ю честными иконами, и поручивъ ю ерею Анастасу Корсунянину; епископы корсуньскыя пристави служити в неи [...].* (6499, 165)
- (115) [...] убира князя Олександра и сына его Федора в Ордѣ погани Татаровѣ: призваль бо его бяше цесарь Озбякъ с лестью, хотя и убити, тако рекъ: «хощеть тя цесарь жаловати»; *оному же послушавшию поганаго лѣстивых словесъ и пришедшию и убиена быста [...].* (6847, 350)¹⁴

В этих случаях причастное оформление не объяснимо никакими из рассматриваемых содергательных закономерностей.

Таким образом, функции данной конструкции, основной из которых оказывается маркирование фоновых отсылок назад, совпадают с функциями традиционного дательного самостоятельного с *и*-причастием. Ею не оформляются устойчивые лексикализованные конструкции, но это исключение закономерно.

В целом разнообразные обороты с дательным самостоятельным, в отличие от причастных конструкций в именительном падеже, почти не маркируют pragmatische невыделенности. Спорадически дательный самостоятельный появляется в контекстах,

¹³Субъект оборота здесь совпадает с субъектом следующего финитного глагола, хотя тот и не в двойственном числе.

¹⁴Правда, в последнем примере субъект оборота—князь Олександръ, а подлежащее следующего финитного глагола—князь Олександра и сын его Федоръ.

гораздо более типичных для других конструкций. Наиболее определенной функцией дательного самостоятельного, где он является регулярным средством выражения, оказывается только маркирование прагматических презумпций. Поэтому не удивительно, что закономерности его употребления могли сильно меняться: он мог переосмысляться как синоним оборота в именительном падеже (как происходит, например, в Галицкой летописи, см. Сахарова 2005), или, наоборот, сфера его употребления могла сужаться до лексикализованных оборотов типа *сольниу восходяшу*, *Богу поущышу* (Лопатина 1978).

4 Выводы

Таким образом, можно заключить, что использование в летописи конструкций с краткими причастиями действительно во многих случаях обусловлено дискурсивными критериями второстепенности. В данной работе мы описали основные закономерности этого распределения, выявляемые на материале Новгородской первой летописи младшего извода. Однако об однозначном соответствии критериев выбора причастного способа оформления и критериев второстепенности предикации говорить нельзя. Степень детерминированности выбора различна для разных параметров: если фоновые по аспектуальному критерию предикации оформляются почти всегда конструкциями с *щ*-причастием, то при прагматической невыделенности предикации употребление причастия не обязательно, а только возможно. Причастные обороты могли вообще появляться и в контекстах, которые нельзя назвать второстепенными. Существовали также устойчивые традиции описания определенных ситуаций с использованием причастной конструкции, которые не мотивируются дискурсивными факторами.

Литература

- Алексеев, А. А. (1987). *Participium activi в русской летописи: особенности функционирования*. *Russian Linguistics*, 11(2/3), 187–200.
- Белоруссов, И. М. (1899). Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковно-славянской и древнерусской письменности. *Русский филологический вестник*, 41, 71–146.
- Борковский, В. И. (1949). *Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение*. Львов.
- Борковский, В. И., & Кузнецов, П. С. (1965). *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
- Георгиева, В. Л. (1968). *История синтаксических явлений русского языка*. Москва.
- Гиппиус, А. А. (2006). Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). В А. М. Модлован & А. А. Плетнева (ред.), *Лингвистическое источниковедение и история русского языка* (2004–2005) (стр. 114–251). Москва.
- Зализняк, А. А. (2004). *Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом находок 1995–2003 гг.* Москва.
- Истриня, Е. С. (1923–1926). Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. *Известия Отделения русского языка и словесности. Том 24. Книга 2*, 1–172; *Том 26*, 207–239.
- Кузьмина, И. Б., & Немченко, Е. В. (1982). История причастий. В Р. И. Аванесов & В. В. Иванов (ред.), *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол* (стр. 280–411). Москва.
- Лопатина, Л. Е. (1978). Второстепенное сказуемое. В В. И. Борковский (ред.), *Историческая грамматика русского языка. Часть 1: Синтаксис. Простое предложение* (стр. 102–118). Москва.
- НПЛ: (2000). *Полное собрание русских летописей. Том III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва.¹⁵

¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Электрон. ресурс). Доступ: <http://litopis.narod.ru/novglet/novg.htm>, свободный.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Электрон. ресурс). Доступ: <http://www.krotov.info/acts/12/pvl/novg.htm>, свободный.

- Падучева, Е. В. (1996). *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва.
- Падучева, Е. В. (2001). *Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений*. Москва.
- Потебня, А. А. (1958). *Из записок по русской грамматике. Том 1–2*. Москва.
- Сабенина, А. М. (1978). Дательный самостоятельный. В В. И. Борковский (ред.), *Историческая грамматика русского языка. Часть 1: Синтаксис. Простое предложение* (стр. 417–432). Москва.
- Сахарова, А. В. (2005). Причастные обороты в древнерусской летописи: содержательные параметры их употребления для глаголов восприятия. *Русский язык в научном освещении*, 10(2), 250–266.
- Сахарова, А. В. (2007a). К вопросу о прагматических критериях распределения предикаций на причастные и финитные в древнерусской летописи. *Русский язык в научном освещении*, 13(1), 85–113.
- Сахарова, А. В. (2007b). Содержательные параметры употребления причастий в древнерусской летописи для некоторых стативных глаголов. *Вопросы языкоznания*, 2, 108–126.
- Степенко, А. Н. (1972). *Исторический синтаксис русского языка*. Москва.
- Corin, A. R. (1995). The dative absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic. *Die Welt der Slaven*, 40, 251–284.
- Dry, H. (1981). Sentence aspect and the movement of the narrative time. *Text*, 1(3), 233–240.
- Dry, H. (1983). The movement of narrative time. *Journal of Literary Semantics*, 7(2), 19–53.
- Fleischman, S. (1985). Discourse function of tense-aspect oppositions in narrative: toward a theory of grounding. *Linguistics*, 23(6), 851–882.
- Givón, T. (1984). *Syntax: a functional typological introduction. Vol. 1*. Amsterdam.
- Hopper, P. J. (1979). Aspect and foregrounding in discourse. In T. Givón (Ed.), *Discourse and syntax (Syntax and Semantics, 12)* (pp. 213–241). New York.
- Lakoff, R. (1984). The pragmatics of subordination. *Proceedings of the X. annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*, 481–549.
- Longacre, R. E. (1983). *The grammar of discourse*. New York.
- Matthiesen, C., & Thompson, S. A. (1988). The structure of discourse and ‘subordination’. In J. Haiman & S. A. Thompson (Eds.), *Clause combining in grammar and discourse* (Typological Studies in Language, 18) (pp. 275–329). Amsterdam.
- Polanyi, L., & Hopper, P. J. (1981). A revision of the foreground-background distinction. Paper presented at the 1981 Winter meeting of the Linguistic Society of America. New York. <http://eserver.org/langs/polanyi-hopper1981.hqx>. Accessed 24 November 2009.
- Reinhart, T. (1984). Principles of gestalt perception in the temporal organization of a narrative text. *Linguistics*, 22(6), 779–809.
- Růžička, R. (1963). *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen*. Berlin.
- Tomlin, R. S. (1985). Foreground-background information and the syntax of subordination: evidence from the English discourse. *Text*, 5(1/2), 85–122.
- Tomlin, R. S. (1986). The identification of the foreground-background information in on-line oral descriptive discourse. *Papers in Linguistics*, 19, 465–494.
- Tomlin, R. S. et al. (1997). Discourse semantics. In T. A. van Dijk (Ed.), *Discourse as structure and process. Discourse studies: a multidisciplinary introduction. Vol. 1* (pp. 63–111). London, New Delhi.
- Večerka, R. (1961). *Syntax aktivních participií v staroslověnštině*. Praha.
- Worth, D. S. (1994). The dative absolute in the Primary Chronicle: some observations. *Harvard Ukrainianian Studies*, 18(1/2), 29–46.